

Твой пазл не тронут.

Нин Цюянь долго не мог оторвать глаз от этой строчки. Простое предложение — а щёки горели. Когда он оставлял свою записку, он вовсе не был уверен, что Гуань Хэн её увидит. Но тот не только увидел — ещё и ответил.

В наш век бумажная переписка стала редкостью. Этот обмен записками превратился в способ общения, принадлежащий только им двоим, — с оттенком тайной, невысказанной близости.

В груди у Нин Цюяня словно прошлось лёгкое пёрышко, щекотно и сладко.

Потом он вернулся к первой строке — «Пусть она зазвучит ещё прекраснее» — и к подписи: одно-единственное «Гуань».

Он досадовал на себя — почему не вернулся домой раньше, почему не увидел подарок Гуань Хэна вовремя?

Записку он бережно вложил в книгу, которую читал чаще всего, и заложил между страниц.

Полмесяца уныния и апатии испарились в одну секунду. Словно он ожил — настроение вдруг стало невесомым. Гитару, подаренную Гуань Хэном, он достал из футляра, долго гладил — и так и не решился играть. Убрал обратно.

Звонить Гуань Хэну Нин Цюянь постеснялся, но написал ему сообщение — из вежливости, как и полагается при получении подарка.

А ещё совершенно честно выразил сожаление, что не может его принять: слишком дорогой.

Гуань Хэн долго не отвечал.

Лишь вечером, по дороге в «N°», Нин Цюянь получил ответ — именно на ту часть, где он писал, что гитара слишком ценная.

Гуань Хэн: [Инструмент обретает ценность, только когда на нём играют.]

Лу Цяньцюэ рассказывал, что когда-то Гуань Хэн и сам играл на чём-то, но давно бросил.

Прочитав эти слова, Нин Цюянь ощутил что-то — словно понял, что Гуань Хэн имеет в виду.

Вернуть инструменту ценность.

Не цену — ценность.

Ответ Гуань Хэна был таким же лаконичным, как его речь. Нин Цюянь не мог перестать гадать: с каким лицом Гуань Хэн сейчас, чем занят? И тут спохватился: у Гуань Хэна совершенно другой режим — потому он и ответил только вечером.

А судя по времени — проснувшись, тот первым делом увидел его сообщение.

Нин Цюянь убрал телефон и зашагал к «N°».

При входе коллега улыбнулся ему, и только тогда Нин Цюянь заметил, что у него самого приподняты уголки губ.

В последнее время «N°» ожил. Вернулась резидентная группа.

В тот вечер они выдали несколько мощных рок-номеров, зал визжал, и Нин Цюянь тоже пару раз проорался от души. Но только завсегдатаи знали: Рэй спел только одну песню, всё остальное вытягивал второй вокалист. Да и на электрогитаре Рэй ошибался, чего раньше не бывало.

С прошлого раза он выглядел ещё хуже. Голос — не тот, что был когда-то.

В перерыве Рэй подошёл к стойке. Нин Цюянь убирал стаканы и услышал, как тот обращается к нему — с предложением вступить в группу.

— У тебя хороший голос, ты классно поёшь и владеешь несколькими инструментами, — сказал Рэй. — Приходи, я отдам тебе позицию вокалиста. Я могу быть гитаристом, бэк-вокалом — чем угодно.

Нин Цюянь вытер руки, обернулся:

— У вас уже есть второй вокалист.

Тот как раз стоял рядом и тут же вмешался:

— Я за! Давай, Сяо Нин, так дальше не пойдёт.

У второго вокалиста не хватало техники для лирических вещей; в последнее время он держал энергетику зала исключительно на крике и надрыве — на короткой дистанции это работало, но не в перспективе.

Нин Цюянь был молод, и второй вокалист, боясь, что тот засомневается, заверил:

— Мы честно разделим гонорар на равные доли. Считай, помощь. Как Рэй оклемается — отпустим.

Нин Цюянь покачал головой:

— Извините, но я правда не хочу выходить на сцену.

Рэй улыбнулся:

— Ты же поступаешь в музыкальный! Там со сценой столкнёшься покруче нашего. Чего бояться?

Нин Цюянь коротко хмыкнул, забрал поднос и ушёл обслуживать столики.

Когда он отошёл, Рэй спросил:

— Что это с ним? Он же раньше обожал петь.

Когда Нин Цюянь впервые появился в «N°», он во время работы засматривался на выступление группы до полного самозабвения, и все тогда над ним добродушно подшучивали. Было ясно, что этот гордый мальчишка пришёл сюда через знакомых, мечтая стать резидентным вокалистом. Но ему не исполнилось восемнадцати, и хозяин тихо взял его официантом — с мыслью, что подрастёт — выпустит на сцену.

Второй вокалист сказал Рэю, что тот ляпнул лишнее:

— Он уже не поступает в консерваторию. Ты прям по больному попал.

Рэй был ошарашен.

— Говорят, даже на творческий экзамен не пошёл. Подал документы в обычный вуз. С музыкой завязал.

— Почему? — спросил Рэй.

— Денег нет. — Второй вокалист отхлебнул из стакана. — Мать заболела, лечение дорогое, редкий случай. Он даже инструменты продал — ударную установку, клавиши... Кажется, хозяин помогал ему искать покупателей.

Рэй смотрел на худую спину Нин Цюяня, мелькающую среди столиков, и слушал, как второй вокалист вздыхает: мол, каково это — в таком возрасте.

Сам Нин Цюянь не считал, что ему тяжело.

Благодаря подарку у него весь вечер было хорошее настроение, и он, работая, раздумывал, что бы подарить Гуань Хэну в ответ.

Слишком дорогое — не по карману; да и для Гуань Хэна любая вещь, сколько бы она ни стоила, наверняка не имеет значения. К тому же на острове есть всё.

Слишком дешёвое — неуважительно. А что именно выбрать — отдельный вопрос: он так мало знал о Гуань Хэне. Ни любимой еды, ни привычек, ни увлечений — кроме пазлов.

Спросить Лу Цяньцюэ?

Нин Цюянь быстро отверг эту мысль. Подушка-обнимашка от Лу Цяньцюэ, конечно, была шуткой — намёком на его холостяцкое одиночество, — но ему и самому ещё нужно было придумать подарок для Лу.

А остальные на острове? Дядя Кан, невидимая бабушка Бай, даже дядя Пин — все они так или иначе о нём заботились, и то, что он получал за сдачу крови, несоизмеримо превышало его вклад.

Нин Цюянь провалился в яму, которую сам себе вырыл — и которая всё разрасталась: незаметно для себя он уже обдумывал новогодние подарки для всех.

К часу ночи народу в баре поубавилось.

На Нин Цюяня случайно плеснули выпивкой, и он ушёл в раздевалку переодеться. Стянул рабочую рубашку и, стоя спиной к двери, натянул свой свитер.

На открытой коже выступили мурашки от холодного воздуха.

Он переоделся быстро, а закрывая шкафчик, услышал какой-то шорох.

Музыка из зала доносилась глухо. В раздевалке перегорела одна из ламп; помещение находилось в подвале, и свет уличных фонарей не проникал сюда — всё было в полумраке.

Вокруг в беспорядке лежали вещи сотрудников: пальто, ботинки, складной велосипед.

Шуршание шло из-за угла.

Нин Цюянь подумал, что забрёл пьяный клиент, и пошёл проверить. На всякий случай захватил бейсбольную биту, давно пылившуюся в углу.

Он осторожно приблизился и в полутьме разглядел человека, сидящего на полу спиной к шкафчику.

Через несколько секунд, когда глаза привыкли, он узнал Рэя.

Угол был укромный. Если бы не звук, Нин Цюянь ни за что бы не обнаружил, что здесь кто-то есть.

Что Рэй тут делает?

— С-с-с... — Рэй запрокинул голову, из горла вырвался странный звук; поднятая рука ещё не опустилась.

В руке он держал что-то вроде пипетки, а в другой сжимал маленький пузырёк, миллилитров на десять-пятнадцать, с остатками прозрачной жидкости.

Без неоновых огней зала лицо Рэя выглядело ужасно: тёмные круги под глазами, словно он не спал целую вечность, — такой цвет кожи Нин Цюянь видел только у тяжелобольных в больнице.

Но на лице Рэя застыло выражение экстатического блаженства.

Медленно он опустил руку, привычным движением вставил пипетку обратно в пузырёк и завинтил крышку.

Всё это время его голова оставалась запрокинутой, рот приоткрыт, а язык мелко подрагивал.

— Что ты делаешь? — внезапно спросил Нин Цюянь.

Рэй вздрогнул, открыл глаза и, увидев его, мгновенно изменился в лице.

Он явно не ожидал, что кто-то зайдёт в раздевалку в такое время.

Нин Цюянь стискивал биту. На самом деле он был в ярости.

Он прекрасно видел, что Рэй делал.

В представлении Нин Цюяня «N°» был чистым местом — не таким, как другие бары, замаранные мутными делишками. «N°» славился атмосферой и музыкой, а не балансированием на грани закона.

Когда-то ему очень нравилась группа Рэя. Сегодняшнее предложение даже заставило его дрогнуть, и ему было искренне жаль, что Рэй так сдал.

Но правда оказалась простой: Рэй катился в пропасть по собственной воле.

— Сяо Нин? — Рэй нервно поднялся, шмыгнул носом. — Ты чего здесь? У меня горло... Лекарство принимаю.

— Какое лекарство? — спросил Нин Цюянь.

— Сироп от кашля.

Тёмные, ясные глаза Нин Цюяня говорили: он не верит ни единому слову.

Рэй решил, что можно отделаться отговоркой.

После нескольких секунд молчания Нин Цюянь сказал:

— Если тебе нехорошо, я позову менеджера.

Один человек мог погубить набирающий обороты бар.

Рэй отлично понимал, что перешёл черту, — потому и прятался.

Что бы он ни принимал, Нин Цюянь был обязан сообщить начальству.

Увидев, что тот разворачивается, Рэй шагнул вперёд и загородил дорогу. Он уже немного успокоился:

— Стой. Послушай, не надо. Я правда не ширяюсь. Я бы никогда не стал нарушать закон.

Нин Цюянь смотрел с недоверием:

— Нет?

Рэй кашлянул:

— Эта штука называется «Фантазия». Улучшает настроение, слегка притупляет восприятие... что-то вроде ЛСД...

— А это не наркотик? — Нин Цюяню казалось, что его держат за идиота. С болью в голосе он спросил: — Ты хоть о группе думал?

Рэй осёкся, потом горячо затараторил:

— Это правда не то, что ты думаешь. Даже если отправить на экспертизу — ничего запрещённого не обнаружат. Веришь мне?

Нин Цюянь поджал губы. Он не знал, верить или нет.

Если это безвредно — зачем тогда прятаться?

Видимо, угадав его мысли, Рэй раздражённо прошёлся по комнате, а потом выпалил:

— Я просто не хочу, чтобы полиция ко мне лезла. Тот, кто продавал эту штуку, на днях погиб. Сейчас допросы — сплошная головная боль.

— Погиб? — переспросил Нин Цюянь.

Рэй кивнул:

— Помнишь, перед нашей площадью каждый вечер тусовалась компания?

Нин Цюянь вздрогнул. Он уже догадывался, о ком речь.

— Эту штуку мне продали они, — сказал Рэй. — Я видел новости. Тот парень мёртв. Так что с этим пузырьком сейчас проблемы.

Тот самый парень.

Он и Нин Цюяню предлагал кое-что — обещал, что станет хорошо.

Выходит, это и был тот прозрачный состав.

Увидев, что Нин Цюянь замер, Рэй решил, что тот не верит, и полез за телефоном:

— Я покажу тебе одно видео. Посмотришь — и поймёшь, почему я говорю, что ситуация щекотливая.

Он открыл галерею, нашёл запись и протянул телефон Нин Цюяню.

В темноте раздевалки экран резанул по глазам. Нин Цюянь слегка прищурился, а потом — медленно распахнул глаза.

Видео было снято в углу какого-то тёмного помещения. Там цепью было приковано нечто чёрное — не разобрать, что за существо.

Снимающий свистнул — и оно рванулось вперёд, как стрела, срываясь с цепи; из его глотки вырвались безумные, хриплые звуки. Цепь не дала ему продвинуться дальше.

Это был человек.

Хотя слово «человек», возможно, было не вполне уместно.

Потому что он широко разинул рот — и прямо в камеру оскалил пару чудовищных, устрашающих клыков.

<http://bllate.org/book/17881/1710942>